

Стефан Кройцбергер, Инго Маннтойфель,
Ютта Унзер

Коммунизм и террор

«Черная книга коммунизма»:
основные тезисы и аргументы

С того момента, как в 1997 году, спустя более пяти лет после краха восточного блока, появилась «Черная книга коммунизма» французского историка Стефана Куртуа, ставшая первым итоговым исследованием преступлений, совершенных во имя коммунистической идеологии, в обществе не утихает дискуссия относительно выдвинутых в ней положений и толкований. В Германии эта книга, впервые опубликованная на немецком языке в 1998 году, в течение семи месяцев выдержала десять изданий¹, и ее обсуждение проходило не менее бурно, чем во Франции². Столкновение мнений, высказанных главным образом в статьях местных газет и журналов, временами напоминало «спор историков» на исходе 80-х годов. Однако в этот раз прения отличались еще одной особенностью: они довольно быстро сосредоточились на специфической национальной ране, а именно вопросе о нацистской диктатуре и возможности ее сопоставления с коммунизмом. Вероятно, не в последнюю очередь это объясняется тем, что до сих пор среди участников дискуссии преобладали в основном журналисты, публицисты и специалисты по общей истории, а не ученые, серьезно исследующие соответствующий исторический период Восточной Европы.

Особенно интересно то, что в России, Украине и Белоруссии «Черная книга коммунизма» почти неизвестна и нигде не обсуждалась.

¹ Stéphane Courtois и др. (Hrsg.): *Das Schwarzbuch des Kommunismus. Unterdrückung, Verbrechen und Terror. Mit dem Kapitel «Die Aufarbeitung des Sozialismus in der DDR» von Joachim Gauck und Ehrhart Neubert.* — München/Zürich 1998. Все ссылки и цитаты, использованные в настоящей статье, взяты из этого издания. В скобках указаны страницы.

² Достаточно подробные сведения об этой дискуссии см.: Horst Möller (Hrsg.). *Der Rote Holocaust und die Deutschen. Die Debatte um das «Schwarzbuch des Kommunismus».* — München/Zürich, 1999. См. также: Armin Pfahl-Traughber. *Verharmlost das «Schwarzbuch des Kommunismus» nationalsozialistische Verbrechen? Über inhaltliche und methodische Probleme des Diktaturvergleichs // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft.* — № 9. — 1998. — С. 828–837; Helmut Altrichter. *«Offene Großbaustelle Rußland». Reflexionen über das «Schwarzbuch des Kommunismus» // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte.* — № 3. — 1999. — С. 321–361; Johannes Klotz (Hrsg.). *Schlimmer als die Nazis? «Das Schwarzbuch des Kommunismus», die neue Totalitarismusdebatte und der Geschichtsrevisionismus.* — Köln, 1999; Jens Mecklenburg/Wolfgang Wippermann (Hrsg.). *«Roter Holocaust»? Kritik des Schwarzbuch des Kommunismus.* — Hamburg, 1998.

Настоящее издание является попыткой устранить этот недостаток. В нем помещены статьи немецких и зарубежных историков — специалистов по исследованию коммунизма, которых «Черная книга» подтолкнула к тщательному критическому осмыслению различных аспектов террора и преступлений, совершенных коммунистической диктатурой в XX веке. Чтобы придать изложению целостный характер и более точно определить место публикуемых статей в общей системе взглядов далее еще раз кратко перечислены основные тезисы и аргументы, приведенные в «Черной книге» Стефана Куртуа и касающиеся тех стран, о которых пойдет речь в данной публикации, т.е. в первую очередь Советского Союза, Эстонии, Чехословакии, Польши, Венгрии и Румынии. При этом не ставится цель осветить и всесторонне взвесить проблематику исследований коммунизма или же сопоставления диктатур в содержательном и методическом аспекте. Это задача должна быть решена в рамках последующих специальных исследований.

Стефан Куртуа: «Преступления коммунизма»

Двадцатое столетие, по мнению Стефана Куртуа, отличается от предыдущих исторических эпох небывалым уровнем насилия. Причем неизгладимый след в прошедшем веке оставили не только две мировые войны и ужасы национал-социализма. Значительно более определяющее влияние на судьбу мировой истории оказала длившаяся почти 70 лет диктатура коммунистического режима в Советском Союзе (13). Именно реальный коммунизм, воплощенный в личностях типа Ленина, Сталина, Мао, Хо Ши Мина или Кастро, по мнению французского историка, ввел в систему подавление инакомыслия вплоть до «террора как формы правления», ставшего, по словам Куртуа, русским извращением марксизма. Даже если сбросить со счетов единичные зверства, совершенные во имя этого мировоззрения, то в целом необходимо признать, что власть коммунистических диктатур основывалась главным образом на массовых преступлениях. Эти преступления фактически становились системой правления: террор, как гласит одно из центральных положений автора, с самого начала был главной чертой современного коммунизма (14–15).

Поставив задачу исследовать те преступления, которые характеризуют коммунистическую систему в целом, при первом подведении итогов Куртуа приходит к следующему выводу: на совести коммунистов — главным образом Советского Союза ленинского и сталинского периодов — ровно сто миллионов жизней. Погибшие стали жертвами, с одной стороны, экспериментальных, а с другой — абсолютно продуманных, логичных и политически мотивированных актов насилия.

Кроме того, у автора не вызывает сомнений то, что коммунизм, точно так же, как нацистские преступники — главные обвиняемые на Нюрнбергском процессе 1945 года, — должен нести ответственность за военные преступления, а также за преступления против мира и против человечества, в первую очередь за геноцид (17–18).

«Расовый геноцид» и «классовый геноцид»: к вопросу о сопоставимости

При рассмотрении понятия «геноцид» Куртуа ссылается на новое его толкование во французском Уголовном кодексе 1992 года. Согласно этому толкованию, геноцид может обосновываться не только расистскими взглядами (как в случае с национал-социализмом) — с не меньшим успехом он может быть распространен и на общественные группы. Беспощадная классовая борьба во имя коммунистической доктрины, направленная на физическое уничтожение политической и идеологической оппозиции, которая велась, например, в Советском Союзе, в значительной степени соответствует именно этому пониманию геноцида. Борьба против казачества, начавшаяся еще в ленинский период, т.е. в начале 20-х годов, равно как и широкомасштабное раскулачивание в связи с принудительной коллективизацией с 1930 по 1932 год, осуществлявшееся преемником Ленина — Иосифом Сталиным, свидетельствуют, по убеждению Куртуа, что «существует очевидное сходство между «расовым» и «классовым» геноцидом». Не подвергая сомнению беспрецедентность такого явления, как Аушвиц, он приходит к следующей мысли: «Гибель украинского ребенка из кулацкой семьи, намеренно обреченного сталинским режимом на голодную смерть, является таким же тяжким преступлением, как и смерть в варшавском гетто еврейского ребенка, ставшего жертвой искусственно созданного нацистским режимом голода» (21).

Сопоставление Стефаном Куртуа 100 миллионов жертв коммунизма и 25 миллионов жертв нацизма отнюдь не является двойной «бухгалтерией ужаса». Арифметическое сравнение должно лишь побудить к «размышлениям о сходстве между нацистским режимом с его устоявшейся после 1945 года репутацией наиболее преступной системы столетия и коммунистической властью, легитимность которой на международном уровне оставалась неоспоримой вплоть до 1991 года» (27). На самом деле, как полагает Куртуа, может возникнуть впечатление, что методы правления и насилия, введенные Лениным и усовершенствованные Сталиным и его пособниками, нередко превосходят методы и практику фашизма. В то же время факты, свидетельствующие о том, что «размах и способы осуществления массового насилия», внедренные большевиками, частично вдохновляли на подобные преступления и нацистский режим, ни в коем случае не рассматриваются автором как основание для установления прямых причинно-следственных связей между захватом власти профессиональными революционерами-коммунистами в России и утверждением нацистского режима в Германии (27–28). В заключение остается констатировать, что французского историка вряд ли можно заподозрить в сознательной или неосознанной недооценке национал-социализма (вопреки мнению некоторых из его критиков, принадлежащих главным образом к левому политическому спектру).

Николя Верт: «Государство против собственного народа»

В большой статье под таким названием, напоминающим лозунг, французский историк Николя Верт анализирует насилие и террор в Советском Союзе. Автор рассматривает последовательность циклов насилия в советской истории, уделяя при этом особое внимание периоду с 1917 года и до смерти Сталина в 1953 году, так как его преемники, по мнению Верта, в течение нескольких лет превратили Советский Союз в «авторитарное полицейское государство» (278).

Ленинский цикл насилия

Первый (ленинский) цикл насилия в Советском Союзе, согласно Верту, начался в конце 1917 года, с момента «большевистского государственного переворота» (63), и длился до конца 1922 года. Этот период отмечен радикальными взглядами Ленина, который усмотрел в терроре «новую форму классовой справедливости» (73) и еще во время Первой мировой войны призывал превратить ее в гражданскую (61). Поначалу большевистскому террору способствовал потенциал насилия, уходящий корнями в крестьянскую культуру и возросший за три года военных действий. Однако Верт указывает и на то, что во время гражданской войны большевики ни разу не предприняли попыток достичь решения путем переговоров. Вместо этого они пропагандировали массовый террор в качестве своей стратегии как средство удержания власти (86).

Описывая гражданскую войну, Верт упоминает и о «белом терроре», однако приходит к выводу: «Политика большевистского террора носила более систематический и организованный характер, задумывалась и осуществлялась на практике задолго до самой гражданской войны и теоретически была направлена против целых общественных групп» (96). В качестве довода в пользу своего основного положения «государство против собственного народа» Верт приводит тот факт, что в число жертв большевистского террора попали политики и рабочие, крестьяне и казаки, противники большевистских взглядов, а также «социально чуждые элементы» или «враги народа» (96–97). Исследование Верта показывает, что террор и акты насилия были результатом политических и идеологических решений большевиков. Например, когда весной 1918 года возникла проблема снабжения армии и жизнеобеспечения городов, большевики приняли решение не о создании рынка, а о принудительной конфискации зерна (79). Так началось «сознательно спланированное наступление на крестьянство», за которым последовали репрессии против когда-то революционных, а теперь обвиняемых в контрреволюции рабочих и солдат. Большевистские вожди усмотрели в массовом терроре возможность радикально изменить соотношение социальных сил в стране путем физического искоренения определенных общественных слоев, что отчетливо проявилось в терроре против крестьян, прежде всего, в принципе «коллективной ответственности всей деревни» (109). Чтобы сломить сопротивление рабочих и крестьян, большевики в качестве оружия применили голод. Поэтому для Верта первый цикл насилия завершается не поражением белых, а голодом 1922 года, окончательно сломившим сопротивление крестьян.

Период 1923–1927 годов Верт считает краткой передышкой между первым и вторым (сталинским) циклом насилия. Невзирая на перемирие с крестьянством, провозглашенное большевиками в форме новой экономической политики (нэп), советская власть, как показывает Верт, продолжала вести войну против населения, ибо именно период нэпа был ознаменован кровавыми репрессиями против населения нерусских окраинных областей (156).

В это время было переименовано орудие террора большевиков: ЧК стала ГПУ (Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем — Государственным политическим управлением). Верт усматривает в этом «формирование и легализацию системы террора как средства разрешения конфликтов между новым государством и обществом» (146). Так, именно на начальной стадии нэпа было принято решение о создании лагерей для политических узников (1922), а по-прежнему активно действующий большевистский аппарат террора не только не был распущен, а напротив, подвергся организационному и кадровому упорядочению.

Сталинский цикл насилия

Второй (сталинский) цикл насилия начался в 1928 году, когда большевистский режим заявил об окончании передышки в борьбе против крестьян и буржуазных специалистов. Принудительная коллективизация сельского хозяйства, начатая по приказу Сталина, явилась кульминационной точкой в схватке между большевистским режимом и крестьянством. Эта вторая война против крестьян стала результатом ничем не мотивированного решения большевистского руководства, причем Верт стремится продемонстрировать, что Сталин и его окружение прекрасно осознавали свои действия и их последствия. Поэтому автор считает, что причиной голода 1932–1933 годов было сознательное намерение властей сломить сопротивление крестьян (165).

Принудительная коллективизация и раскулачивание стали решающим моментом в построении репрессивной системы и «институционализации террора в качестве формы правления» (290). В вопросе о соотношении между советским террором и коммунистической идеологией показательным является следующее мнение Верта: репрессии были направлены на то, чтобы вывести на путь прогресса упорствовавшее в своей отсталости общество (189). В этот же ряд Верт ставит и такие шаги, как устранение рыночных механизмов и осуществление социалистических планов, экспроприация крестьянских земель и принудительный труд (163).

После принудительной коллективизации последовала краткая передышка, ибо маховик репрессий достигает максимальных оборотов уже в период Большого Террора (конец 1936-го — конец 1938 года). При этом Верт утверждает, что Большой Террор был политической операцией, инициированной и осуществленной Сталиным, причем в результате «спланированного сверху террора с его произвольно установленными категориями политических врагов» и системой квот кое-где на местах наблюдалось и чрезмерное рвение репрессивных органов. Верт приводит новейшие архивные данные, подтверждающие центральную роль Сталина в массовых репрессиях (212): «В течение всего периода ежовщины Сталин не упускал из своих рук контроль над политическими событиями» (212); «Большой Террор закончился тем же, чем и начался: распоряжением Сталина» (212). Осуществляя Большой Террор, направленный главным образом против образованных слоев, Сталин преследовал две цели: 1) создание услужливой бюрократии с молодым, сталинистским, или же лично преданным Сталину руководством; 2) окончательное устранение всех лиц, которые с точки зрения социалистической перспективы препятствовали построению социализма как новой общественной формации (224–225).

В период Второй мировой войны начало новому этапу репрессий было положено советизацией и аннексией областей, захваченных после 1939 года, причем жертвы именуются в этом случае националистами и «враждебными нациями». Завершение сталинского цикла насилия было ознаменовано акциями авантюрного характера, имевшими место с конца 1940 по 1953 год, т.е. вплоть до смерти Сталина. Французский историк объясняет особенности этого периода довольно ярко выраженными чертами антисемитизма и параноидальной болезнью Сталина, который арестами и казнями стремился ослабить позиции своих реальных или мнимых внутренних врагов (267).

Циклы насилия в сопоставлении: преемственность и отличия

В заключение Верт приходит к выводу, что его исторический очерк о первых 35 годах существования Советского Союза проливает свет на «практику разнузданного насилия как перманентной формы государственной политики» (292).

При кратком сравнении первого (ленинского) и второго (сталинского) циклов Верт указывает на одно отличие в историческом контексте: «красный террор», наступивший с осени 1918 года, был продолжением общей борьбы, бушевавшей после революции и гражданской войны; второй цикл пришелся на мирную страну. В то же время историк отмечает, что Ленин задумал использовать террор в качестве главного орудия еще до того, как разразилась гражданская война, — и этот подход последовательно применялся большевиками при осуществлении политики расказачивания в 20-е годы и политики раскулачивания в 30-е годы: на основе принципа коллективной ответственности в обоих случаях планировалось уничтожение и депортация определенной социальной группы, а решение принималось на высшем государственном уровне при непосредственном участии многих высокопоставленных большевистских партийных деятелей (113). Как в том, так и в другом случае на местах отмечалось чрезмерное усердие в осуществлении руководящих указаний.

Однако Верт видит также и отсутствие сходства между двумя циклами насилия, ибо «созданные во время гражданской войны лагеря и практиковавшиеся в 20-е годы ссылки ни по своим целям, ни по размаху, несоизмеримы с системой концентрационных лагерей, сложившейся в 30-е годы» (293).

К такому же противоречивому выводу автор приходит и в вопросе о планировании террора. С одной стороны, он утверждает, что политику квот сталинского террора можно считать выражением «планового характера террора», с другой же стороны, полагает, что вывод о «продуманном и контролируемом замысле, рассчитанном на длительную перспективу» опровергается наличием слабых мест, хаосом и импровизацией в осуществлении террора, в частности при депортации кулаков.

Важной причиной ужасающего размаха сталинского террора является фактор его саморазвития: ужесточая методы, большевистская власть уверовала в иллюзию полного контроля, что, в свою очередь, способствовало еще большему раскручиванию спирали насилия (295).

Карел Бартошек: «Центральная и Юго-Восточная Европа»

Чешский историк Карел Бартошек, живущий во Франции, приходит к выводу о том, что во второй половине двадцатого столетия террор и репрессии переместились в восточноевропейские страны. Волна насилия, порожденная созданием и утверждением коммунистических режимов в этой части мира, во многом стала как бы повторением того, что происходило здесь во времена нацистской оккупации и Второй мировой войны. Бартошек подтверждает правомерность метафоры «импорт террора», которая вначале многими подвергалась сомнению. Невзирая на разнообразные формы национального проявления и особенности динамики, обусловленные исторической конъюнктурой, неизменным остается одно: исходной точкой и контролирующей инстанцией репрессий как орудия власти была Москва.

Одним из подтверждений своего тезиса автор считает наблюдение, согласно которому процессы в Восточной и Центральной Европе соответствуют физическому закону о сообщающихся сосудах. И действительно, даже с поправкой на частные различия, в центрально- и восточноевропейских странах обнаруживаются определенные повторяющиеся явления, не в последнюю очередь обусловленные страхом перед «эффектом домино».

Основные направления в практике использования террора и насилия соответствовали испытанной логике Москвы (435). Сначала речь шла об отстранении, а в конечном счете и ликвидации некоммунистических партнеров по союзу, от которых во все времена избавлялись посредством дезавуирующих политических процессов и быстрого исполнения приговоров, т.е. на фоне отсутствия протестов со стороны западноевропейских братских партий фактически «обезглавливались» наиболее крупные некоммунистические партии в Центральной и Восточной Европе, включая ГДР.

Следующим шагом стало то, что Бартошек называет «разрушением гражданского общества». В соответствии с хорошо продуманной стратегией коммунистических репрессий для обеспечения абсолютной власти после устранения непосредственных политических конкурентов отныне надлежало уничтожить организационные структуры гражданского общества путем нейтрализации лиц, занимавших ключевые посты в профсоюзах, других объединениях на профессиональной основе, церкви, и «обрубить» их многочисленные зарубежные связи (445–446).

Основным объектом коммунистического террора в странах Центральной и Восточной Европы стали широкие слои населения, представителей которых автор называет «маленькими людьми». Именно эти люди вначале активно поддерживали новые режимы в связи с ожидавшимся улучшением условий жизни, в частности после проведения национализации и земельной реформы. Однако вскоре недовольство, вызванное неосуществившимися надеждами, вылилось в забастовки и демонстрации, на которые власти, в свою очередь, ответили массовыми репрессиями (454–455). Дозированная психология страха использовалась, очевидно, в качестве гаранта стабилизации, а проявления политического недовольства в конечном счете часто становились достаточным основанием для уголовных преследований.

Размах коммунистического террора, т.е. постоянно растущее число лиц, приговоренных к дисциплинарным или уголовным наказаниям или даже подлежащих изоляции в качестве «социально чуждых элементов», поставил на повестку дня использование системы лагерей (в свое время созданной отчасти союзниками Гитлера), в которых сотни тысяч людей снова были обречены на жизнь в нечеловеческих условиях, рабский труд и смерть. Количество тех, кто страдал и/или погиб в этих исправительных и трудовых лагерях, сегодня, очевидно, точно установить невозможно.

Глава завершается резкой критикой в адрес ученых-историков, которые твердят о «своеобразном ревизионизме», требуют «учета исторического контекста» при оценке фактов или же подчеркивают «социальный аспект» коммунизма: «Не лучше ли им... заняться наконец социальной стороной политики подавления, всеми теми «маленькими людьми», которые подверглись жестоким преследованиям коммунистов?» (464)

Достаточно много внимания Бартошек уделил политическим процессам, инсценированным коммунистами против коммунистов, — т.е. тому этапу, когда с подачи Москвы осуществлялось преследование высокопоставленных коммунистических деятелей, привлечение их к суду и, наконец, уничтожение. Эти события следует оценивать в связи с международным положением того времени, а также в контексте соответствующих поли-

тических, социальных и экономических проблем каждой страны. Свой взгляд на внутреннюю логику этой формы террора Бартошек излагает в виде четырех тезисов:

Тезис 1. Восточный блок, внешним врагом которого был провозглашен американский империализм, готовился к войне в Европе, и «воспитание трупами» было призвано дисциплинировать его собственные ряды и послужить средством демонстрации силы.

Тезис 2. Антисемитский аспект. Борьба против сионизма («по сути, просто вульгарный антисемитизм», 477) неотделима от изменения советской политики по отношению к Израилю и арабскому миру.

Тезис 3. Острые внутренние конфликты между противоборствующими группами в аппарате советских органов госбезопасности стали определяющим фактором при выборе соответствующих жертв и применяемых против них средств воздействия.

Тезис 4. Венцом в ряду политических процессов против внутренних врагов должно было стать проведение в Москве показательного процесса против «участников международного заговора».

Для подкрепления четвертого тезиса Бартошек в главе под названием «Последний заговор» (265 и далее) указывает на новые детали.

Последние три с половиной десятилетия существования восточного блока чешский историк, как и венгр Миклош Мольнар, относит к периоду посттеррора, сменившегося впоследствии посткоммунизмом. Бартошек утверждает, что репрессии, применявшиеся в ходе становления коммунистических режимов в странах Центральной и Восточной Европы, смело можно назвать массовым террором, который практиковался не только в качестве сопутствующего явления, но и имел своей целью уничтожение основных прав и свобод. Убедительным свидетельством сильного влияния Москвы на этом этапе (помимо постоянного присутствия советских воинских частей и служб безопасности) были танки как символ террора сверхдержавы.

Как и прежде, «закручивание гаек» или ослабление пружины террора зависело от политической ситуации в мире, прежде всего от состояния отношений между Востоком и Западом. Начало периоду посттеррора также было положено двумя внешними факторами: усиливающейся, в том числе и в Советском Союзе, критикой в адрес Сталина и сталинизма и политикой мирного сосуществования (независимо от способов ее обоснования). В этот период, когда практика подавления обрела еще более яркие национальные особенности по сравнению с прошлым, значительно сократилось число жертв репрессий, почти во всех странах Центральной и Восточной Европы исчезли лагеря, а само оружие террора утратило свою действенность.

«Преодоление тяжкого наследия» — так назвал Бартошек свою заключительную главу. В ней он дает оценку усилиям отдельных стран в этом направлении, однако не скрывает и того, что в целом результат преодоления этого «чудовищного наследия» (Вацлав Гавел) нельзя признать удовлетворительным — вывод, в справедливости которого убедилась не одна нация, пытавшаяся осмыслить свое прошлое.

Анджей Пачковски: Польша — «заклятый враг»

Польский историк Анджей Пачковски относит поляков «к народам, которые, вероятно, больше всех пострадали от репрессий советских правителей» (397), так как многие из них, будучи советскими гражданами, стали жертвами коммунизма в советской России еще в 20-е и 30-е годы. Поэтому в первом разделе своей статьи, помещенной в «Черной книге коммунизма», он обращается к теме террора против польских граждан, проживавших в Советском Союзе в 1939—1944 годах. Второй раздел посвящен террору и насилию со стороны коммунистического режима, навязанного Советами Польше, по отношению к своим же соотечественникам.

Польша как жертва коммунистического режима советской России до 1944–1945 годов

Причина того, что Польша приобрела статус «заклятого врага России», заключается не только в традиционной вражде между Россией и Польшей, но и в том, что после Первой мировой войны стремление Варшавы к независимости столкнулось с революционными замыслами Москвы. В результате национального подъема в Польше во времена Пилсудского (1920) Красная Армия не смогла донести революцию через Варшаву до Берлина. Сталин так и не простил Польше своей неудачи.

Жертвами кампании против церкви и за коллективизацию, развернувшейся во второй половине 20-х годов, а также идеологически обусловленных насильственных экономических и социальных преобразований, насаждаемых новой властью, стали польские священники и крестьяне, главным образом в Украине и Белоруссии.

С особой силой террор, направленный непосредственно против поляков, проявился в 30-е годы, когда в связи с «большой чисткой» и под предлогом мнимой принадлежности к ПОВ (Польская военная организация) — «группировке, осуществлявшей саботаж и шпионскую деятельность» — были арестованы и казнены польские коммунисты, сотрудники НКВД польского происхождения и рядовые граждане, рабочие и крестьяне. По мнению Пачковски, более 10% жертв Большого Террора были поляками, а среди погибших в ходе операций, направленных против национальных меньшинств, их количество составило около 40% (401).

Следующий этап советского террора против поляков начался в сентябре 1939 года, после присоединения восточных областей Польши к Советскому Союзу с использованием методов устрашения и репрессий (402). Весной 1940 года советское руководство приняло решение о казни почти 15 тысяч польских военнопленных, преимущественно офицеров, в районе Катыни, Харькова и Калинина (ныне Тверь) и о ликвидации еще 11 тысяч польских узников. С сентября 1939-го по май 1941 года по стране прокатились четыре волны депортации в глубь территории Советского Союза — это от 330 до 340 тысяч человек, в числе которых было много поляков. Пачковски приходит к выводу, что с 1939 по 1941 год количество жертв разнообразных репрессий (казни, тюрьмы, лагеря, депортации, принудительный труд) на территории аннексированных Советским Союзом областей составило около одного миллиона человек (407).

Новый этап советского террора против польского населения пришелся на начало 1944 года, после того как части Красной Армии пересекли линию польско-советской

границы 1921 года. Польская Армия Крайова (АК), «отечественная армия», противопоставившая себя в качестве легитимной власти в Польше Красной Армии, стала главной мишенью советских подразделений НКВД, осуществлявших разоружение АК, аресты и интернирование офицеров, насильственный призыв многих солдат в польскую армию под командованием генерала Берлинга, созданную советскими властями. В целях укрепления советского диктата в Польше силами НКВД до 1947 года осуществлялись депортации и так называемые акции усмирения. НКВД создал аппарат польской службы безопасности, который наряду с Красной Армией и компартией стал фундаментом коммунистического государства.

Террор и репрессии в Польской Народной Республике

Пачковски выделяет пять этапов репрессий в Польской Народной Республике.

С 1944 по 1947 год массовый террор обеспечил захват власти в государстве. Попытки сопротивления были сломлены аппаратом польской службы безопасности, «ставшим прочной составной частью советской системы» (411), посредством депортаций, арестов, показательных процессов, инфильтраций и акций насильственного «усмирения» целых областей. Если в этот период «маховик репрессий» был направлен главным образом «против истинных и активных противников» коммунистического господства (416), то после 1948 года цель органов госбезопасности изменилась.

1948–1956 годы — это период «всеобщего террора», который должен был породить в людях постоянное ощущение страха, так как репрессии могли коснуться буквально каждого (419). В связи с конфликтом между Сталиным и Тито жертвами террора отныне могли стать и высокопоставленные деятели коммунистической партии. Помимо этого, аппарат службы государственной безопасности, увеличенный после 1949 года и насчитывавший к 1952 году 34 тысячи сотрудников, принялся за рабочих, крестьян, «спекулянтов» и священнослужителей. Цель заключалась в разобщении людей. И хотя с конца 1953 года репрессии пошли на спад, однако о настоящей «оттепели» в Польше, согласно мнению Пачковски, стало возможно говорить лишь после XX съезда КПСС в феврале 1956 года и смерти Берута (421). Террор продолжался и позже — правда, с меньшим размахом, потому что он достиг своей цели: поставил общество под контроль правящего режима.

В 1956–1981 годах органы госбезопасности перешли к системе выборочных репрессий, направленных главным образом против оппозиции, католической церкви и интеллигенции (421). И хотя аппарат государственной безопасности смог самостоятельно подавить забастовки, демонстрации и бунты 1956, 1970, 1976 годов, он не отказывался от практики широкого проникновения внештатных сотрудников в различные сферы общественной жизни, что позволяло «оперативно срывать попытки создания нелегальных организаций» (423), — следствием таких действий стали аресты, денежные штрафы, увольнения или отказы в выдаче заграничного паспорта и т.д.

После того как при попытке подавления волны забастовок в 1980 году и в борьбе против профсоюза «Солидарность», основанного Лехом Валенсой, применявшиеся до сих

пор репрессивные методы не принесли результата, 13 декабря 1981 года генерал Ярузельский объявил о введении военного положения. Пачковски усматривает в этом попытку тотального подавления сопротивления общества, являющуюся альтернативой требованиям приверженцев жесткой партийной линии применить всеобщий террор и казни. После ареста и интернирования сторонников оппозиции и членов «Солидарности», а также массового подавления демонстраций в 1982–1983 годах аппарат службы госбезопасности снова сделал ставку на методы дезинформации и дезинтеграции оппозиционных сил. Согласно мнению Пачковски, система уже на этой стадии своего развития существенно отделилась от своих сталинских истоков (428).

Лишь под влиянием процессов перестройки и гласности в Советском Союзе и стагнации польской экономики режим в Варшаве уменьшил размах репрессий и решил заключить нечто наподобие перемирия с польской оппозицией. Этот шаг стал промежуточным этапом на пути к началу переговоров с профсоюзом «Солидарность», а тем самым и к капитуляции коммунистической системы в Польше. Системы, которая, по словам Пачковски, «никогда не имела под собой законной основы, так как пренебрегала и международным правом, и собственной Конституцией» (429).